

К читателю

Книга посвящена знаковому для послевоенной истории Восточной Европы событию, начавшемуся летом 1948 г. Речь идет о советско-югославском конфликте, или, выражаясь проще, конфликте Сталина и Тито, которому в 2018 г. исполняется 70 лет. Пристальное внимание мировой общественности к первому расколу «социалистического лагеря» с момента его возникновения было понятным, но путь постижения истины оказался трудным и длительным: от спонтанной реакции политической публицистики, прежде всего западной, до попыток анализа, предпринятых советологами и политологами и наконец до появления в 1950-х гг. первых исторических исследований¹. Следующий важный исследовательский рубеж обозначился в связи с процессом нормализации советско-югославских отношений в середине 1950-х гг., отмеченным появлением работ по истории конфликта². 1960-е — 1980-е гг. характеризовались всесторонним изучением феномена «титоизма» и его влияния на страны советского блока, отношений с США, формирования новой внешнеполитической ориентации Югославии. В контексте означенных проблем рассматривал-

¹ См., напр.: *White L.* Balkan Caesar: Tito versus Stalin. N.Y., 1951; *Armstrong H.* Tito and Goliath. New York, 1951; *Ulam F.* Titoism and the Cominform. Cambridge, 1952; *Hammond T.* Yugoslavia between East and West. N.Y., 1954; *Dragnich A.* Tito's Promised Land. Bronswick, 1954.

² См., напр.: *Neal F.* Titoism in Action. The Reforms in Yugoslavia after 1948. Berkeley—L.A., 1958; *Halperin E.* The triumphant Heretic: Tito's Struggle against Stalin. London, 1958; *Farell B.* Yugoslavia and the Soviet Union. 1948—1956. N.Y., 1956; *Drashkovich S.* Tito, Moscow's Trojan horse. Chicago, 1957.

ся и советско-югославский конфликт³. С конца 1980-х гг. постепенно обновляется источниковая база, позволившая расширить круг исследуемых западными и югославскими авторами проблем⁴.

Новый этап исследований истории конфликта начался благодаря «архивной революции» 1990-х гг. в России: исследователи получили в свое распоряжение без преувеличения огромное количество недоступных прежде источников и возможность проанализировать важные и неизвестные ранее факты⁵. Ныне благодаря усилиям историков и архивистов советско-югославский конфликт занял самостоятельное место в историографии среди исследований по истории внешней политики и международных отношений, «социалистического лагеря», «холодной войны». Важное место в изучении конфликта принадлежит российским ученым⁶. В 2000-х гг. в результате широкого

³ Заметным явлением западной историографии стали работы Дж. Кембелла (J. Campbell), Э. Рубинштейна (A. Rubinstein), С. Клиссолда (S. Clissold), Ф. Оти (Ph. Auty), Б. Хойзер (B. Heuser), Д. Русинофф (D. Rusinoff), Д. Ларсона (D. Larson), В. Вучинича (W. Vucinich), Дж. Иатридиса (J. Iatrides) и др.

⁴ См. работы Р. Уэста (R. West), Л. Лис (L. Lees), Г. Свэйн (G. Swain), Дж. Лампе (J. Lampe), С. Павловича (S. Pavlovitch), И. Банаца (I. Banac), Д. Бекича (D. Bekic), Б. Петрановича и др.

⁵ Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949: Документы и материалы / Ред. Г. М. Адиебеков, А. Ди Бьяджо, Л. Я. Гибианский, Ф. Гори, С. Понс. М., 1998; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 1997; 1998; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: В 2 т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999; 2002; Советско-югославские отношения. 1945–1956: документы и материалы / МИД РФ, МИД Республики Сербии. Новосибирск, 2010 и др.

⁶ Первыми исследователями проблемы стали российские историки Л. Я. Гибианский, В. К. Волков, архивисты В. А. Горлов, И. В. Бухаркин, Г. М. Адиебеков. Наиболее последовательно и плодотворно исследовал историю советско-югославского конфликта Л. Я. Гибианский, опубликовавший по данной теме более 40 работ. См., напр.: *Гибианский Л. Я.* 1) К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.: секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Сов. славяноведение. 1991. № 3; 2) (в соавт. с В. К. Волковым). На пороге первого раскола в «социалистическом лагере»: переговоры руководящих деятелей СССР, Болгарии и Югославии. 1948 г. // Исторический архив. 1997. № 4; 3) Секретная советско-югославская переписка 1948 года // Вопросы истории. 1992. № 4–7, 10; 4) У начала конфликта: балканский узел // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2; 5) Вызов в Москву // Политические исследования. 1991. № 1; 6) От «нерушимой дружбы» к беспощадной борьбе: модель «социалистического лагеря» и советско-югославский конфликт 1948 г. // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995 и др. Взаимоотношения Югославии с США и их

открытия югославских и архивов бывших республик Югославии историография пополнилась работами национальных историков⁷.

Однако «узким» местом всё еще остается изучение отражения конфликта в странах «социалистического лагеря». В историографии нет пока работ, специально и всесторонне исследующих данный сюжет. Следует также учитывать, что и сегодня на рассмотрение научных проблем заметное влияние оказывают подчас отнюдь не научные факторы — политическая конъюнктура, выраженная в новых «социальных заказах», априорно обвинительный уклон при трактовках действий советского руководства без необходимого всестороннего анализа и выявления истоков их мотивации, сознательное отведение национальным компартиям сугубо пассивной роли «вассалов» всемогущего московского «сюзерена» и пр. Не всем авторам удается следовать мудрому наставлению древних и решать исследовательские проблемы *sine ira et studio* — «без гнева и пристрастия».

В предлагаемых вниманию читателя «Очерках» советско-югославский конфликт 1948–1953 гг. исследуется в контексте не менее сложного процесса — начавшегося после войны складывания «лагеря стран народной демократии» во главе с Советским Союзом. Авторы попытались показать воздействие этого конфликта не только на развитие особого типа отношений в рамках нового для Европы общества, но и на «поведение» власти и ее конкретные мероприятия, обстановку в странах «социалистического лагеря», настроения населения. Югославия длительное время являлась для них «настоящей революционно-социалистической страной», примером для подражания, но возникший конфликт и его эскалация превратили вчерашнего союзника во врага, предателя и шпиона, против которого следовало вести беспощадную борьбу. Сложность и масштабы такой трансформации, приобретшей с учетом фактора времени поистине драматический характер, также предстояло оценить авторам. Еще один важный аспект рассматриваемой проблемы — попытки Москвы использовать противостояние с Белградом для консолидации советского блока. Внимание исследователей сосредоточено на изучении основных

союзниками в годы конфликта, формирование Балканского пакта в начале 1950-х гг. с участием Югославии исследовались в работах А. С. Аникеева.

⁷ См., напр., исследования сербских авторов Л. Димича, Дж. Трипковича, М. Терзича, А. Животича, М. Милкича, Д. Богетича, Б. Димитриевича, Р. Петковича, Д. Бозозана, М. Ристович, хорватского историка Т. Яковины, словенского — Б. Репе и др.

этапов эскалации конфликта через призму событий в странах блока, выявлении особенностей контактов «национальных» коммунистов с советским руководством, влияния межпартийного конфликта на межгосударственные отношения в разных сферах.

Сталин и его окружение, создавая после войны блок восточноевропейских стран, исходили из перспективы его «социализации», однако вплоть до рубежа 1947–1948 гг. эта задача не стояла на повестке дня, уступая необходимости сохранения сотрудничества с бывшими западными союзниками по антигитлеровской коалиции и поддержания баланса в международных делах в соответствии с распределением сфер влияния в послевоенном мире. Этот баланс оказался нарушен, когда вслед за «первыми заморозками» задули ветры «холодной войны». Расколовшийся мир начинал жить по законам нового противостояния.

В странах Восточной Европы, вошедшей по итогам войны в советскую сферу влияния, оказавшиеся у власти компартии признавали безусловное главенство ВКП(б) как руководящей силы в первом в мире социалистическом государстве и в международном коммунистическом движении и в силу существовавшей еще со времен Коминтерна иерархии отношений в целом четко следовали «советам» и указаниям своего признанного лидера. Со своей стороны советское политическое руководство оставляло за ВКП(б) мессианскую роль — утверждение коммунистической идеи в мировом масштабе. Фактическая самоидентификация советской компартии с этой идеей придавала авторитету ВКП(б) в международном коммунистическом движении почти сакральный характер. Немалое значение имела при этом и харизматическая личность советского руководителя. Однако, как показало время, Сталин, превратив ВКП(б) у себя в стране в послушное орудие, не смог в силу разных причин безоговорочно подчинить национальные компартии. В формировавшемся «социалистическом лагере» возникал зародыш будущих противоречий и конфликтов.

Отношения ВКП(б) и КПЮ и их лидеров Сталина и Тито на рубеже войны и мира казались практически безоблачными. Их объединяла общая цель и боевое братство. Несомненно, существовало и взаимное личное уважение. Проявления активности и определенной самостоятельности Тито и его близкого окружения, прежде всего в вопросах внешней политики, чреватые осложнением отношений

с западными союзниками, хотя и раздражали Москву и вызывали некоторые трения, но не привели в то время к охлаждению. По окончании войны, когда в международном коммунистическом и рабочем движении большую популярность приобрела концепция «национального пути к социализму», признававшаяся до определенного времени советским политическим руководством и самим Сталиным, югославские коммунисты точнее всех следовали советской модели. Не случайно Югославия в глазах Кремля стала образцом успешного применения марксистско-ленинской (читай — сталинской) теории на практике.

Однако осенью 1947 г. ситуация резко изменилась. В условиях обострения международной обстановки Сталин и его ближайшее окружение с большим раздражением встретили независимые проявления Белграда в международных делах — на Балканах и, в частности, в Албании. В действиях югославы советское руководство усматривало претензии на роль регионального лидера, способного выскользнуть из-под твердой руки Москвы. На реакцию «хозяина» чутко отреагировала советская дипломатическая служба в Югославии, искусно подбирая факты, рисовавшие Тито и его окружение не в самом приглядном с точки зрения политики и партийных норм виде. Существенную негативную роль сыграл посол А. И. Лаврентьев. Позднее в придание конфликту характера жесткого партийного разбирательства значительный вклад внесли В. М. Молотов и А. А. Жданов: в известной самостоятельности «зарвавшегося» Тито они усмотрели угрозу авторитету Кремля.

Вызванные в начале февраля 1948 г. в Москву югославские и болгарские руководители были встречены упреками со стороны Сталина и Молотова в излишней самостоятельности в международных делах, в несогласованных с Кремлем высказываниях и действиях, которые могли сыграть на руку «англо-американцам». Похоже, никто из прибывших — ни Г. Димитров, ни Э. Кардель — не поняли, в чем причина столь резкой реакции на заявления их стран о возможном создании федераций в Восточной Европе и намерении послать югославскую дивизию в Албанию. Они не знали, что из надежного источника Сталин получил донесение о готовности американцев направить ограниченный военный контингент в Грецию в случае признания «народными демократиями» греческого партизанского правительства (ВДПГ). Поэтому не случайно на встрече прозвучала еще одна тема — стоило

ли югославам и болгарам по-прежнему оказывать активную помощь греческим партизанам? Вопрос о болгаро-югославской федерации в таком контексте следовало понимать как опасение Кремля относительно возможного присоединения к ней греческой Эгейской Македонии, которая почти вся находилась в руках партизан, и требовалось лишь небольшое усилие — военная помощь «соседей» с севера, чтобы решить эту задачу. А югославская дивизия в Албании могла бы рассматриваться США и Великобританией именно как один из шагов в этом направлении. Сталин с полным основанием опасался реальной, как ему казалось, перспективы возникновения полномасштабного военного конфликта на Балканах, в который мог быть вовлечен и Советский Союз, связанный с Югославией и Болгарией договорами о взаимной помощи. Тито еще долго в своем ближайшем окружении с раздражением говорил о запрете Москвы на отправку югославской дивизии в Албанию. «Когда греки туда придут, расхлебывать придется нам», — подчеркивал он.

Тито и его соратники искренне стремились разрядить обстановку, не допустить крайностей в отношениях с Москвой и до последнего боролись за примирение, просили не отзываться советских гражданских и военных специалистов, продолжить торговые переговоры. Обнаружив «утечку» информации из Политбюро ЦК КПЮ, виновником которой был наказанный за это позднее С. Жуйович, они, по-видимому, решили, что главная причина кремлевского гнева заключалась в ставших известными в Москве высокомерных и обидных характеристиках ВКП(б) и советского партийного руководства, исходивших от Тито и его окружения. Вероятно, это действительно оказало некоторое влияние на принимаемые в Кремле решения, но не было определяющим. Насколько можно судить, решение «поставить Тито на место» было принято в Кремле ранее, в январе–феврале 1948 г.

Точкой невозврата в развитии конфликта стало письмо Сталина и Молотова от 27 марта 1948 г. югославскому руководству, разосланное компартиям — членам Информбюро без уведомления ЦК КПЮ. Тито воспринял это как оскорбление ЦК и всей партии. После этого уже не было речи о приезде югославской делегации в Москву, как того требовали в Кремле. Теперь югославы для установления истины в споре ждали советских представителей только у себя. Невозможно представить, чтобы подобная ситуация могла возникнуть

в отношениях Сталина с кем-то из лидеров компартий стран «народной демократии». И в этом кроется еще одна причина ужесточения конфликта, обретения им бескомпромиссного характера. Как эта формулировка ни далека от академических определений, но Тито оказался «крепким орешком», и это добавило настойчивости советскому руководству, стремившемуся отныне к замене его на более приемлемую фигуру. Для этого Кремлю требовалось коллективное решение, и вскоре последовал вызов югославов «на ковер» второго совещания Информбюро в июне 1948 г. Югославы отказались приехать и были осуждены как ревизионисты. С принятием бухарестской резолюции о положении в КПЮ конфликт стал достоянием мировой общественности и послужил началом широкомасштабной антиюгославской кампании в СССР и странах «народной демократии».

К концу 1948 г. резко сократились политические, экономические и культурные контакты между Югославией и странами советского блока, стали возникать различного рода трения в межгосударственной сфере, участились пограничные инциденты. Эта тенденция продолжилась по нарастающей в 1949 г., завершившись сфабрикованными процессами по «делу» объявленных «титоистами» болгарина Трайчо Костова и венгра Ласло Райка.

«Дело» Райка послужило поводом для разрыва Москвой и другими странами советского блока договоров о дружбе и взаимопомощи с Югославией и принятием в ноябре 1949 г. на третьем совещании Информбюро в Будапеште резолюции, объявившей руководство КПЮ «шпионами и убийцами». В соответствии с установками Коминформа в Восточной Европе началась почти средневековая «охота на ведьм», развернулись масштабные поиск и наказание «титоистов», усилилась шпиономания. Особый размах эти процессы приобрели в соседних балканских странах — Болгарии и Румынии и в центральнойвропейской Венгрии.

В Болгарии каждый пятый член партии был «вычищен» из БКП по политическим мотивам. Разоблаченные «шпионы» исчислялись сотнями. Только с начала 1951 до конца августа 1953 г. были выявлены 1019 вражеских «агентов», причем основная масса их — 422 чел. — якобы работали на югославскую разведку. Число процессов над «вредителями» и «шпионами» к началу 1950-х гг. достигло 250. Еще на стадии предварительного следствия в качестве подозреваемых проходили более 1500 болгарских коммунистов.

В Румынии поиск югославских «шпионов» был сопряжен с депортациями населения из пограничных с ФНРЮ районов. В результате судебных процессов над «титовцами» пострадали в общей сложности около 100 румынских сербов, переселению подверглись порядка 44 тыс. чел., среди которых были этнические сербы, хорваты, швабы (немцы Баната), румыны-беженцы из Бессарабии и Буковины.

Настоящим милитаристским психозом была охвачена в условиях советско-югославского конфликта соседняя Венгрия: ее армия, вопреки ограничениям, наложенным Парижским мирным договором 1947 г., достигла значительной численности— 120 тыс. солдат и офицеров, 700 боевых машин. В жернова репрессий попали на протяжении 1949–1951 гг. почти все кадровые офицеры высокого ранга, некоторые были расстреляны, причем чаще всего по обвинениям антиюгославского характера — шпионаж в пользу Тито, участие совместно с югославскими военными в заговоре против венгерского государственного строя и т. д.

В самой Югославии, фактически изгнанной из советского блока, происходили противоречивые процессы. Пытаясь ответить на обвинения, точнее, убедить Москву в следовании советской модели, ЦК КПЮ принял непродуманное решение о коллективизации села, от которого уже вскоре пришлось отказаться. Вместе с тем развернувшаяся критика сталинской теории построения социализма под лозунгом «возвращения к Марксу» привела к введению рабочего самоуправления на предприятиях, в определенной степени декларативного и декоративного, к переоценке роли партии в обществе, к известной либерализации культуры.

В сфере внешней политики, отвечая на «пророчество» бухарестской резолюции Информбюро (считалось, что Югославия вскоре окажется в лагере империалистических государств), Тито поручил своим соратникам начать разработку нового внешнеполитического курса. Его главным вектором было сотрудничество с афро-азиатскими странами, освободившимися от колониальной зависимости. Во внутренней политике, по контрасту с поиском «титоистов» в странах «социалистического лагеря», развернулась борьба с теми, кто поддержал резолюцию Коминформа. Масштабные репрессии против «информбюровцев» потребовали многократного увеличения руководящего аппарата и оперативного состава органов госбезопасности.

Сопротивление Югославии давлению со стороны стран советского блока фактически до самой смерти Сталина в марте 1953 г. являлось постоянным фактором общественной жизни. Конфликты на границах, переброска групп, доставлявших в страну пропагандистскую литературу, привели к увеличению в три раза численности погранвойск. В ожидании военного вторжения были в несколько раз повышены расходы на армию. Населению настойчиво внушалось, что принимаемые меры, включая репрессивные, необходимы, что пребывание в «осажденной крепости» требовало непоколебимого единства, твердости и веры в свое руководство и правильность его действий. Пропагандистские усилия власти следует признать до определенного момента успешными: югославское общество вплоть до конца 1953 г. оставалось сплоченным и по большому счету не знало оппозиционных настроений.

Экономическая блокада вынудила югославское руководство обратиться к США, которые, видя в советско-югославском конфликте возможность ослабить СССР, приступили к развертыванию широкой программы помощи, в том числе и военной.

Борьба стран советского блока с «титовской» Югославией инициировалась и направлялась Москвой. Коминформбюро формулировало и жестко контролировало выполнение решений, направленных на эффективное развертывание мощной пропагандистской кампании в средствах массовой информации, организацию радиовещания на Югославию, выпуск газет и пропагандистской литературы на языках народов ФНРЮ и их заброску в страну, установление экономической блокады, поддержку югославской политэмиграции, усиление бдительности, регулярные чистки в партийных и государственных структурах, «профилактический» террор.

С началом конфликта штаб-квартира Информбюро, как и редакция его печатного органа газеты «За прочный мир, за народную демократию!», прежде находившиеся в Белграде, были перемещены в Бухарест. В Румынии усилиями коминформовской эмиграции с мая 1949 г. издавалась газета «Под знаменем интернационализма», рассчитанная на распространение не только внутри страны, но и на территории Югославии, ежемесячный тираж пропагандистских брошюр и листовок достигал соответственно 10–15 тыс. и 20–25 тыс. Через радиостанцию г. Брашов осуществлялась ретрансляция передач на ФНРЮ. Газеты и пропагандистские издания антититовского

содержания, в том числе и для заброски в Югославию, печатались во всех странах советского блока.

Важной составляющей антиюгославской кампании являлось поддержание постоянного напряжения на границах с сопредельными ФНРЮ странами. Там наблюдался, за малыми исключениями, неуклонный рост инцидентов, в том числе и вооруженных. Во всех странах советского блока произошло увеличение численности силовых структур и усиление разведывательной и контрразведывательной деятельности на югославском «направлении».

Вместе с тем каждая из стран «социалистического лагеря» вносила свою специфическую лепту в эскалацию конфликта. Для некоторых из них постоянным дополнительным раздражителем являлись неурегулированные национально-территориальные споры (македонский для Болгарии, косовский для Албании). «Советы» Москвы, обусловленные, как правило, задачами «большой политики», слабо учитывали национальные интересы малых стран.

Однако, несмотря на значительные усилия СССР и стран — участниц советского блока, добиться раскола югославского общества и победы «здоровых сил» в партийном руководстве не удалось. Вся антиитовская кампания явилась в конечном итоге поражением Сталина.

Конфликт с СССР и странами «народной демократии» не изменил кардинально природу югославского социализма, сохранив в значительной степени присущие авторитарной, однопартийной системе черты. Окрепшая на обильной западной помощи югославская экономика, заимствовавшая отдельные элементы свободного рынка, а также последующая частичная либерализация общественной жизни постепенно сделали Югославию привлекательным примером для других стран Восточной Европы. Главным итогом и достижением политики югославского руководства времен советско-югославского конфликта стала почти полная независимость от Москвы, свобода от необходимости координировать с ней свои внешнеполитические планы и действия за исключением тех случаев, когда это совпадало с интересами самой Югославии. Так, Белград поддерживал в 1960–1970-х гг. в значительной степени советскую политику в третьем мире. Вместе с тем Тито, считая себя автором «югославской модели социализма», всегда готов был поделиться опытом с другими, в том числе с Хрущевым и Брежневым, которые наивно полагали, что смогут вернуть Югославию в «лагерь социализма».

Предпринимая исследование, авторы руководствовались благими намерениями внести свой вклад в историографию конфликта. С пиететом относясь к работе предшественников, они стремились представить свою интерпретацию событий, обосновать собственную позицию, преодолеть существующие пристрастия, добиться максимальной объективности изложения. Каждый из членов авторского коллектива также считал важным по возможности расширить источниковую базу исследования, и, опираясь на новые документы, верифицировать некоторые устоявшиеся в исторической литературе выводы, уточнить факты. При этом авторы были свободны в своих суждениях и оценках. Это относится в первую очередь к понятию «народная демократия». Являясь, по существу, лексической ошибкой (демократия — уже власть народа), оно тем не менее закрепилось в языке и стало нормативным определением, в силу чего некоторые авторы «Очерков» не прибегают к кавычкам при его использовании. Другие, напротив, используют кавычки, выражая таким образом собственную политизированную оценку данного феномена. Редколлегия, уважая авторскую позицию, не сочла нужным унифицировать указанное понятие.

Работа выполнена в Институте славяноведения РАН при поддержке РГНФ (исследовательский грант № 12-01-00125, руководитель А. С. Аникеев).

Авторский коллектив составили сотрудники Института славяноведения РАН: к. и. н. А. С. Аникеев, д. и. н. Т. В. Волокитина, к. и. н. В. В. Волобуев, к. и. н. А. С. Гладышева, д. и. н. Г. П. Мурашко, к. и. н. А. С. Стыкалин, к. и. н. Каори Кимура (Япония), а также д. и. н. Александр Животич (Белградский университет, Сербия).

Редколлегия

А. С. Аникеев

Югославия в годы конфликта с СССР и странами «народной демократии»

1948 год. Начало конфликта Москвы и Белграда

Победа союзников над фашистской Германией и ее сателлитами стала началом распада антигитлеровской коалиции. Главная задача была решена, и началась борьба за буферные зоны, которые каждый из идеологических противников стремился закрепить за собой. Планы советского руководства создать вдоль западных границ Советского Союза блок стран, которые после Ялты отошли в сферу советского влияния, стали постепенно реализовываться уже на заключительном этапе войны. Сталин и его ближайшее окружение формулировали основные направления процесса объединения всех стран Восточной Европы вокруг Советского Союза, пытаясь на первом этапе учитывать европейские традиции этих стран и специфику их развития. Особые отношения устанавливались с момента подписания двусторонних договоров о дружбе и взаимопомощи между СССР и странами Восточной Европы.

Установка Кремля на ускоренное продвижение к власти коммунистов в этих странах в 1945—1947 гг. явилась не только главным фактором постепенной идеологической консолидации формирующегося содружества, но одновременно и элементом нарастающей конфликтности с Западом. США и их союзники встретили начавшуюся экспансию СССР в Восточную Европу, несмотря на Ялтинские договоренности, решительным противодействием. После начала второго раунда гражданской войны в Греции весной 1946 г., инициированного греческой компартией, Вашингтон принимает «доктрину Трумэна», направленную на политическую и вооруженную поддержку греческого правительства. Греция в соответствии с известными

условиями, согласованными на переговорах Черчилля со Сталиным в октябре 1944 г., отходила в сферу влияния Великобритании (90%). Американцы, замещая здесь британцев по их просьбе, дали понять Москве, как они будут реагировать на все ее попытки дестабилизировать ситуацию в Европе. Советское руководство увидело в американской политике на Балканах опасный прецедент для дела социализма во всем восточноевропейском регионе и приступило к разработке ответных мер.

Формирующаяся в мире биполярность заставляла Кремль рассматривать варианты тесного сотрудничества со своими союзниками не только в военно-политической, но и в экономической сфере. План Маршалла, предложенный США в 1947 г. всем европейским странам для восстановления послевоенной экономики, был негативно воспринят руководством СССР, которое, «разгадав» намерения американцев, немедленно запретило своим союзникам присоединяться к нему. В Москве решили предложить сателлитам альтернативный проект, целью которого было экономически привязать их к Советскому Союзу. Отчасти этот замысел был реализован в начале 1949 г. с созданием Совета экономической помощи (СЭВ), в который вошли все страны советского блока.

События 1947 г. считаются началом жесткого противостояния между двумя формирующимися военно-политическими и идеологическими блоками — получившим развитие в последующие годы миром советского тоталитаризма и традиционной западной демократией. Первые послевоенные годы были временем формирования в СССР программного антиамериканизма. Кремлевское руководство, считавшее, что ответом США и их союзников на советскую большевистскую стратегию является подготовка к новой мировой войне, в качестве одной из целей противодействия этой угрозе поставило задачу объединения всех «прогрессивных» политических и общественных движений на континенте. Эти пацифистские планы Кремля были в действительности пропагандистским прикрытием продолжающихся попыток идеологического, политического, а иногда, где возможно, и военного преобразования общественных систем других стран в соответствии с коммунистическими шаблонами. Важным элементом этой стратегии объединения всех прогрессивных с точки зрения Москвы сил в мире было создание условий для тесного взаимодействия коммунистических партий, в первую очередь европейских.

Летом 1946 г. на встрече Сталина с И. Б. Тито и Г. Димитровым обсуждалась идея создания информационного органа коммунистических партий, на периодических заседаниях которого, по мысли советского вождя, происходил бы обмен опытом и принимались решения необязательного характера¹. Спустя год, в мае 1947 г., Сталин предложил В. Гомулке возглавить работу по организации учредительного совещания такого информбюро, подчиненного Москве органа, который позволил бы ей контролировать все сферы деятельности коммунистических партий стран-сателлитов, а также наиболее крупных западноевропейских компартий. Как известно, после формального роспуска Коминтерна в 1943 г. его функции частично перешли к Отделу международной информации (позднее — Отдел внешней политики (ОВП)) ЦК ВКП(б), в котором регулярно готовились аналитические записки о состоянии европейских компартий.

Осенью 1947 г. в Польше, под руководством А. А. Жданова прошло учредительное совещание, объединившее все эти партии вокруг ВКП(б). Было создано Коммунистическое информационное бюро (Коминформ), в рамках которого, по мысли кремлевского руководства, должен был проводиться строгий, всеохватывающий мониторинг состояния этих партий, контроль над реализацией ими на практике основных положений марксистско-ленинской теории социализма в ее сталинской интерпретации. Воплощение этой идеи должно было способствовать еще большей консолидации стран «народной демократии» вокруг Москвы и стать дополнительным «ответом американцам на их антисоветскую политику».

В докладе Жданова на совещании, в частности, отмечалось, что «нельзя признать правильным постоянное подчеркивание некоторыми деятелями братских компартий своей независимости от Москвы», поскольку Москва «никого не ставила и не желает ставить в зависимое положение». «Нарочитое подчеркивание этой “независимости” от Москвы, “отречение” от Москвы, — указывал Жданов, — по сути дела, означает угодничество, приспособленчество, подыгрывание тем, кто считает Москву врагом». Компартии не должны были, по мнению Жданова, бояться заявлять о своей поддержке «миролюбивой и демократической политики Москвы», поскольку эта

¹ Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 4.

политика соответствует интересам других миролюбивых народов². В разделе доклада Жданова, посвященном международному положению, отмечалась необходимость преодоления разобщенности между коммунистическими партиями, ставшими влиятельной силой «почти во всех странах Европы и Азии», поскольку такая разобщенность «неправильна, вредна и по сути дела, неестественна». Приводился пример с воссозданием социалистами Интернационала, с возникновением различных других международных общественных и профессиональных объединений и союзов. Еще раз указывалось, что проблема отсутствия такого рода центра, который удовлетворял бы потребность в «консультации и добровольной координации действий отдельных партий», в особенности назрела сейчас, когда продолжающаяся разобщенность может приводить «к ослаблению взаимного понимания, а порой и к серьезным ошибкам»³. Вслед за этим Жданов перешел к подробному анализу таких ошибок, которые совершили французские и итальянские компартии, допустившие удаление из правительств своих стран коммунистов, а также недостаточно последовательно возражавшие против получения займов от «американских империалистов»⁴. Патерналистский, безапелляционный тон выступления Жданова, представлявшего точку зрения ВКП(б), говорил о том, что, несмотря на фразы о консультациях и добровольной координации действий, стиль работы нового органа будет близок его предшественнику. Известно, что в Коминтерне провинившиеся компартии нередко распускались, а их руководство репрессировалось. Подобная перспектива, похоже, была реальной и для партий, вошедших в Коминформ. Коминтерновский стиль обсуждения недостатков и ошибок в работе компартий, который Кремль приветствовал в качестве универсального для межпартийного общения, был характерен для выступлений А. Паукер и Э. Карделя, предпринявших резкую леворадикальную критику политики итальянских коммунистов. Л. Лонго осторожно, избегая открытой полемики, пытался отвести обвинения в адрес своей компартии.

Обстановка на учредительном совещании Коминформа уже говорила о том, что заданный на ней советскими и другими участниками

² Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. С. 300.

³ Там же. С. 297–298.

⁴ Там же. С. 298–300.

обвинительный тон в отношении допустивших «ошибки» компартий будет не только сохранен, но и получит дальнейшее развитие. Данная установка советского партийного руководства была обозначена в их выступлениях и учредительных документах нового партийно-информационного органа.

Между тем уже в начале 1948 г. этот межпартийный институт Кремль решил использовать в том числе и для решения двусторонних межгосударственных проблем. Неразрывная связь идеологии и политики была особенностью тоталитарных режимов. Речь шла о советско-югославских отношениях, в которых появились определенные разногласия, связанные в частности с политикой Югославии на Балканах, не во всем устраивавшей Сталина. Поскольку Англия, экономически ослабленная после войны, не могла поддерживать греческий режим в его борьбе с коммунистами, она вынуждена была обратиться за помощью к США, которые, отойдя от политики изоляционизма, готовы были заместить британцев в регионе. В США в этот период, в том числе и под влиянием таких дипломатов, как Дж. Кеннан, происходило формирование жесткой глобальной антикоммунистической стратегии. В этих условиях советское руководство, стремясь избежать прямой конфронтации с Америкой и ее союзниками, решило сосредоточить всю балканскую политику сателлитов в своих руках. Что касается Югославии, то Сталина стала раздражать самостоятельная и не всегда контролируемая линия Белграда в отношении Албании, коммунистического движения в Греции и планов создания Балканской федерации⁵. Помимо балканской проблематики кремлевскому руководству предстояло решать и другие сложные вопросы отношений с бывшими союзниками в Европе. Сталин ожидал исхода выборов в Италии и Чехословакии, а организуя опасную для дела мира блокаду Берлина летом 1948 г., пытался сорвать планы США и их союзников по созданию сепаратного германского государства на Западе⁶.

В конце августа 1947 г., незадолго до создания Информбюро, в аналитической записке, подготовленной в ОВП ЦК ВКП(б)

⁵ Подробнее см.: *Аникеев А. С.* Албано-югославские отношения в первые послевоенные годы в контексте советской политики на Балканах // *Studia Balkanica*. К юбилею Р. П. Гришиной. М., 2010. С. 281–294.

⁶ *Волков В. К.* Узловые проблемы новой и новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 132.

и посвященной состоянию дел в компартиях восточноевропейских стран, в адрес югославской компартии, получившей большое число лестных характеристик, были вместе с тем высказаны некоторые замечания: говорилось об отсутствии внутрипартийной демократии, отмечалась «национальная узость» при принятии решений в области внешней политики (речь шла о неправильной позиции по вопросу о Триесте), указывалось на «существование определенных тенденций у руководителей компартии в переоценке своих достижений и стремление поставить югославскую компартию в положение своеобразной “руководящей” партии на Балканах»⁷.

Одним из наиболее значительных факторов, способствовавших ухудшению советско-югославских отношений в тот период, стали отношения в треугольнике Москва–Тирана–Белград. Советская сторона сразу после войны решила передать Албанию в сферу влияния Югославии. Это решение, обусловленное причинами международного значения, дополнительно определялось и характером отношений югославской и албанской компартий еще в годы войны: КПЮ стояла у истоков создания компартии Албании. Югославская политика в Албании была отмечена широкой военной и экономической помощью, практически полным включением ее в собственные хозяйственные планы, что мотивировалось, помимо прочего, и стратегическими соображениями: в Белграде рассматривали албанскую морскую границу в качестве продолжения собственной. Вместе с тем СССР с 1946 г. также начал предоставлять Албании свою помощь, что вызвало, с одной стороны, недовольство Белграда, считавшего, что советское взаимодействие с Тираной должно осуществляться, как было ранее оговорено, через югославов, а с другой — способствовало появлению в албанском руководстве двух противостоящих друг другу группировок. Одна из них продолжала выступать за приоритетные взаимоотношения с Югославией, в то время как другая, недовольная грубым, высокомерным и командным стилем югославских партийных и хозяйственных советников, настаивала на необходимости более тесного сотрудничества с Москвой. Внутрипартийные разногласия использовал в своих интересах и генсек партии Э. Ходжа, намеренно сталкивая между собой представителей разных групп

⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 1: 1944–1948 гг. М.–Новосибирск, 1997. С. 708.

и стремясь представить себя в зависимости от складывавшейся ситуации сторонником ориентации то на Москву, то на Белград.

В августе 1947 г. Тито в беседе с советским послом в Югославии А. И. Лаврентьевым отметил изменения, которые произошли у албанского руководства по отношению к ФНРЮ после посещения Советского Союза правительственной делегацией Албании. Как ему стало известно, некоторые албанцы говорили о том, что Югославия за малые деньги хотела бы «положить лапу на Албанию», что она много обещает, но практически ничего не дает. Югославский лидер, опровергая эти утверждения, подчеркнул, что его страна в своей политике исходит прежде всего из интересов самого албанского народа, стремясь к сохранению независимости Албании. Вместе с тем он отметил, что Югославия заинтересована в Албании, поскольку та занимает важнейшее географическое и военно-стратегическое положение на Балканах. Критически был упомянут Нако Спиру, который, по мнению Тито, проводил политику отдаления Албании от Югославии, клеветал на Ходжу во время своего последнего посещения Белграда. Тито был готов пригласить в Югославию Э. Ходжу и К. Дзодзе с неофициальным визитом и обсудить весь комплекс югославо-албанских отношений, а также сообщить и о своем желании удалить Спиру из албанского руководства. Албанцам планировалось объяснить, что помощь СССР Албании нельзя рассматривать как намерение Москвы оторвать их страну от Югославии, а наоборот — как содействие сближению между двумя соседними странами⁸.

В ноябре 1947 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПА, на котором министр промышленности Н. Спиру был подвергнут резкой критике за антиюгославскую позицию. Соответствующий материал на него поступил от С. Златича, югославского представителя ЦК КПЮ при ЦК КПА, потребовавшего удаления Спиру из руководства. Понятно, что за этим требованием стоял Тито. Спиру сразу после рассмотрения его «персонального дела» и осуждения как вдохновителя тенденций, направленных против тесного союза с Югославией, пришел к временному поверенному в делах СССР в Албании А. Н. Гагаринову, пытаясь найти у него поддержку, объяснить, что решение Политбюро является для него фактически приговором. «На нашем албанском языке это означает, что я враг», — обреченно сказал

⁸ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 687–688.

Спиру советскому дипломату. Спустя несколько дней он вновь попытался встретиться с Гагариновым, но ему было отказано. 20 ноября, не видя выхода из сложившейся ситуации, Спиру покончил жизнь самоубийством⁹.

Югославская сторона, возможно, предупреждая закономерные вопросы кремлевского руководства, решила представить свою версию случившегося, и 4 декабря 1947 г., по договоренности Тито со Сталиным, состоялась встреча А. А. Жданова с югославским послом в Москве В. Поповичем. Очевидно, информация оказалась неполной, поскольку через несколько дней посол направил Жданову письмо, в котором сообщал о значительной материальной и финансовой помощи, оказанной Албании, а также подробно охарактеризовал антиюгославскую деятельность Спиру и его сторонников. Попович писал, что после убийства Спиру «на поверхность всплыло то, о чем не было известно, или может быть скрывалось, и что этот случай дал возможность очистить и консолидировать албанскую компартию». Он отметил, что в этом отношении большую помощь албанским «друзьям» оказывает Тито, который планирует пригласить в Белград Ходжу и Дзодзе. В письме Тито от 8 декабря 1947 г. Попович передал содержание беседы со Ждановым и сообщил о новой встрече с советским функционером спустя два дня после отправки ему упомянутого письма. На второй встрече Жданов по поручению Сталина поставил два вопроса. Советский лидер интересовался, во-первых, о каком чиновнике советского посольства в Тиране, с которым Спиру имел контакт, идет речь и из чего видно, что Спиру пытался использовать эти связи в своих личных целях. Во-вторых, без каких советских специалистов в Албании югославы могли бы обойтись (в первую очередь это касалось специалистов-нефтяников). Последний вопрос интересовал Сталина, вероятно, в связи с упомянутым в письме Поповича Жданову взаимодействием советских и югославских советников в Албании. Как писал Попович, ссылаясь на содержание переговоров Тито со Сталиным в 1946 г., он сообщил Жданову, что Югославия сможет оказывать Албании всестороннюю помощь, включая и помощь специалистами¹⁰. Возможно, переданная Поповичем информация

⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. С. 735–736.

¹⁰ Архив Югославии (далее — АЈ). Ф. 836. Кабинет Маршала Югославии (далее — КМЈ). I-3-b/651. L. 2–3.

отразила замысел Тито: во время встречи посла со Ждановым помимо обсуждения югославо-албанских отношений поставить вопрос об отзыве советских специалистов из Албании «в связи с наметившимися тенденциями в Албании противопоставить советских специалистов югославским и на этой основе нарушить установленный модус отношений Албании и Югославии»¹¹.

Переговоры Поповича и Жданова не удовлетворили Сталина, и 23 декабря 1947 г. он направил Тито письмо, в котором говорилось: «Ввиду того, что в ходе бесед вскрылись новые вопросы, мы бы хотели, чтобы Вы направили в Москву ответственного товарища, может быть, Джиласа или другого наиболее осведомленного о положении в Албании». Он добавлял: «Я готов выполнить все Ваши пожелания, но нужно, чтобы я знал в точности эти пожелания». Письмо заканчивалось товарищеским приветом¹². Казалось, что сдержанный и спокойный тон письма говорил о готовности советского руководителя к компромиссам и товарищеской дискуссии по вопросу, представлявшему взаимный интерес. А между тем «албанская тема» стала осью возникающего конфликта.

Джилас прибыл в Москву 17 января 1948 г. и в тот же день, в 11 час. вечера, был приглашен на встречу со Сталиным, Молотовым и Ждановым. Как он сообщал в телеграмме Тито, разговор сразу же начался с изложения советской позиции по Албании, которая, как отметил Джилас, была идентична югославской. Сталин подчеркнул, что в качестве приоритетной задачи следует рассматривать сохранение албанской независимости и свободного самоопределения, особо обращая внимание на то, чтобы у таких колеблющихся и нерешительных людей, как Энвер Ходжа, по возможности не создалось впечатления, что югославы хотят их подчинить или сделать что-либо подобное¹³. Вместе с тем, как отмечал Джилас, ему пришлось выслушать от советского вождя одно неприятное замечание. Сталин заметил: «А у вас там, в Албании, стреляются члены Центрального комитета! Это нехорошо, очень нехорошо!» Джилас стал объяснять, что Спиру противился связи Албании и Югославии, самоизолировался в ЦК, но, не успев, как он пишет, закончить фразу, услышал неожиданную

¹¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: В 2 т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. Т. 1: 1944–1948 гг. М., 1998. С. 511.

¹² КМЖ. 1-3-b/651. L. 6.

¹³ КМЖ. 1-3-b/651. L. 11.

реплику Сталина: у СССР в Албании нет никаких особых интересов. «Мы согласны на то, чтобы Югославия проглотила Албанию!» Свои слова он сопроводил характерным жестом, сложив пальцы правой руки и поднеся их ко рту. В ответ на возражение Джиласа, что они хотят объединяться, а не проглатывать, Молотов пояснил: «Так это и значит проглатывать». Джилас отмечал в своих мемуарах, что в то же время «вся атмосфера, несмотря на такой метод выражения, была сердечной и более чем дружеской»¹⁴.

В этот период в Москву по линии внешней разведки (скорее всего, от Д. Маклина, советского разведчика, работавшего вторым секретарем британского посольства в Вашингтоне. — А.А.) стала поступать информация о готовности США оказать прямую военную поддержку греческому режиму в случае признания северными соседями повстанческого Временного демократического правительства Греции (ВДПГ), созданного в горных районах Эгейской Македонии в декабре 1947 г., и последующего вторжения интернациональных бригад с севера на территорию Греции¹⁵. Сталина, готовящегося к реализации серьезных планов в Центральной Европе, не устраивало усиление гражданской войны в Греции и возможное расширение военного конфликта на весь балканский регион, к тому же с возможным участием американских войск. Югославы были вызваны в Москву для подробных объяснений и обсуждения разногласий. Были приглашены и болгарские коммунисты, лидеру которых Димитрову предстояло держать ответ за несанкционированное Кремлем высказывание в интервью о планах федерации восточноевропейских стран. Не исключено, что информация «по Димитрову» могла поступить в Кремль либо пополниться деталями от находившегося тогда в Москве Джиласа. 19 января 1948 г. А. Ранкович направил ему телеграмму, в которой передал пожелание Тито — попросить советскую сторону воздействовать на «болгарских товарищей», чтобы те были осторожнее, давая разные интервью. Указывалось, что речь шла о последних заявлениях относительно Греции, федерации восточноевропейских стран и роли болгаро-югославского пакта, сделанных Димитровым в Румынии. В частности, как считали в Белграде, имея в виду высказывания

¹⁴ Джилас М. Разговоры со Сталиным. М., 1991. С. 102–103.

¹⁵ Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). Diplomatic. Papers. 1949. Washington, 1974. Vol. IV. P. 3–8.